

ГЕКАТОНХЕЙР И ЦВЕТОЧЕК, ИЛИ КАК ВОЗМОЖНА ФИЛОСОФИЯ ПРОСТЫХ ВЕЩЕЙ

© Е. А. Иваненко, М. А. Корецкая, Е. В. Савенкова

Иваненко

Елена Анатольевна

администратор проекта сайта
«Философская Самара»

Самарская
гуманитарная академия

Корецкая

Марина Александровна

кандидат философских наук

заведующая
кафедрой философии

Самарская
гуманитарная академия

Савенкова

Елена Владимировна

доцент кафедры философии

Самарская
гуманитарная академия

В статье предпринимается попытка анализа концепта «простая вещь» и проблематизируется возможность философского дискурса о простых вещах. Этимологический анализ позволяет увидеть связь вещи с «силой», «крепью» и «именованием». Авторы конструируют собственную типологию простых вещей с целью экспликации такого типа, в котором прослеживаются метаморфозы субъектных структур. Три последующие статьи, а именно «Рулетка», «Аптека» и «Сувенир», применяют подход, разработанный в данной статье, к анализу конкретных вещей.

Ключевые слова: вещь, простое, сложное, целое, имя, сила, субъект, умозрение, феномен, повседневность.

Дано : 1 сторукий пятидесятиголовый великан Гекатонхейр¹, 1 маленький цветочек.

Задача : Как сторукий великан, обладающий силой, достаточной для того, чтобы схватить и удержать одновременно целый флот, может схватить и удержать один маленький цветочек?

Решение : ?...

¹ Гекатонхейры (от др.-греч. ἑκατόν, «сто, сотня» и χεῖρ, «рука») (Сторукие) – в древнегреческой мифологии – сторукие пятидесятиголовые великаны, олицетворение стихий, по Гесиоду – сыновья верховного бога Урана (неба) и Геи (земли): Бриарей (Эгеон), Котт и Гиес. Сразу после рождения заключены в недрах земли отцом, опасавшимся за свое владычество. Во время титаномахии откликнулись на призыв богов-олимпийцев и выступили против титанов, чем принесли победу богам.

Если представить суть этой задачи в виде, скажем, мультипликационного фильма, то получится примерно следующее: огромная копошащаяся масса рук беспорядочно тянется, нащупывает, сталкивается и путается в собственной множественности. В конце концов, вся эта громада беспомощно обрушивается перед сиротливо стоящим цветочком или прямо на него. Смешно? Трагично. Жаль и Гекатонхейра, и цветочек. Оба пострадали ни за что. Наш Гекатонхейр попал в неловкое положение: ему была поставлена непосильная по причине своей мизерности задача – поднять цветочек – маленький предмет, который ему и увидеть – то непросто. Катастрофу вызвало столкновение двух слишком разных сил – гигантской мощи сложного и хрупкой беззащитности простого.

Философия, стремящаяся ухватить простую вещь, рискует попасть в такое же неловкое положение, как и наш Гекатонхейр. Тысячелетиями отрашивая мыслительные конечности и оттачивая хватательные приемы, философия выработала целый арсенал концептов, призванных схватывать и держать невероятно сложные явления в их единовременной целостности. Но возникает правомерный вопрос: а как быть с простым? Концепты как абордажные крючья взлетают над, казалось бы, простой вещью и ... промахиваются. А если не промахнутся – тем хуже для вещи. И вот вопрос: как возможна философия простого, если философская мысль все усложняет, разыскивая изнанку мира; как возможна аналитика атомарного? Философия, как творчество концептов, сложна по природе своей, и потому ей трудно предложить подходящий метод отношения к простым вещам. Можно было бы махнуть на это рукой – ну, не получается, и ладно, в конце концов у философии достаточно своих игрушек; но чужие игрушки, как водится, всегда гораздо интересней.. Если без шуток, то мышлению присуща некая неистребимая и безымянная тяга к простому, неразложимому далее существованию. Простые вещи частенько возникают на горизонте философии (порой этот горизонт определяя), но при движении дальше происходит нечто странное, деформирующее или вовсе разрушающее природу либо философии, либо простой вещи. Если все же философская мысль ввязывается в такое сомнительное предприятие, то какой должна быть ее стратегия? Задавать простые вопросы простым вещам? Или наоборот?

Дискурс о простой вещи возможен. Только он может и не быть философским. Художественный опыт к сути простой вещи подходит ближе. Средствами искусства можно уловить и дать выразиться самому простому – яблоку, лучу света, окну.. Философия, вторгаясь в эту область и начиная работу с крестьянскими башмаками, ностальгически жаждет корнесобственности, жаждет не только и не столько вещей, обремененных собственной тяжестью, сколько самой этой вещной тяжести, веса самостийной жизни. Фюсиса, одним словом. Философия, стартовав некогда с опыта фюсис, жаждет возвращения к тому, что было до. Какая заманчивая глубина, какой невероятный полет мысли! И причем здесь, собственно, башмаки?.. Риск на этой стезе велик: подгоняемая неустанными чаяниями клада, сокрытого где-то в недрах простой вещи, философия незаметно для себя превращается в рьяного кладоискателя, манифестирующего свое пристрастие как единственно возможное и стоящее занятие. В ностальгии по самобытности фило-

софия может использовать свои методы, в частности, критику, в целях не столько проблематизации, сколько осуждения реального положения дел. Вроде бы, на первый взгляд, разница незначительная, но осужденная реальность исчерпывает вопросы, пресекая возможность философствования, заманивая ее в идеологические игры. У философии есть свои четкие внутренние цели, и плохо, когда она служит чему-то еще. Вот вопрос: как может философская мысль, сохраняя верность самой себе, работать с простыми вещами?

Да и вообще, что значит *просто*? Вопрос философский, хотя бы потому, что сразу уводит от всего простого. Что мы воспринимаем как простую вещь? Камень, дождь, чашу, выключатель, валенок, пять копеек, лампу, мусор, аптеку, дорогу, небо, книгу, пирожное мадлен?... Как видно, список получается очень разнородный; вещи, присутствующие в нем, могут быть отнесены к самым разным смысловым сферам, что делает понятие простого отнюдь не таким уж однозначным. Простое предстает как привычное или элементарное, скучное или милое, утилитарное, в конце концов. Пристальный взгляд различит в простом еще одно поле для различий – различий в степени полноты смысла. Так некоторые вещи способны являть собой весь мир в его целостности, космичности; например, дерево. Другим вещам необходимы постоянные смысловые инвестиции для их полного осуществления, просто эти инвестиции стали настолько привычными и включенными в ткань повседневности, что мы их не замечаем. Такой вещью является, например, книга.

Если взглянуть на этимологию слова «простое», то здесь откроется следующая картина: *простое* стоит в одном этимологическом ряду с *простором* и *плоскостью*, то есть некоей открытой однородной поверхностью. Через общий индоевропейский корень *простое* оказывается родственным с русским *плащ*, *пляж*, *пласт*, английским *place* (место), латинским *planita* (равнина), *placo* (успокаивать, смягчать), *simplicitas* (простота). По смыслу близким оказывается слово *пошлое* в значении *плоского*, *поверхностного*. Таким образом, *простое* – это нечто открытое, доступное взгляду, а не только атомарно неделимое.

Многочисленные смысловые оттенки словосочетания *простые вещи* обязаны своей богатой палитрой также тем размытым очертаниям, которые свойственны понятию *вещи* как таковой. При первой попытке осмыслить содержание этого понятия невольно приходят на ум слова Августина, сказанные им о времени. В рамках нашей темы их можно перефразировать следующим образом: всякий и каждый, стоит ему лишь задуматься о сути вещей, может сказать, что он точно знает, что такое вещь, когда не думает о ней, и совершенно не понимает, как только начинает о ней думать. В обиходной речи *вещь* – слово чуть ли не всеохватное, применимое ко всему, на что можно указать пальцем, хотя бы фигурально. Равным образом язык допускает следующие выражения: «репа – вещь полезная», «женильба – вещь странная», «конституция – это вещь!». Словом *вещь* маркируется нечто, достойное внимания, самим своим существованием цепляющее взгляд. В этом смысле вещь – это фокус восприятия, и фокус состоит в том, что вещь при определенном раскладе может оказаться нечто со-

вершенно невещественное, например, свобода. Слово *вещь*, подобно гвоздю, способно приколачивать высказывание к выбранной зоне реальности, и только от виртуозности носителя языка зависит широта этого выбора. В высказывании *вещь* часто используется из соображений экономии точечно обозначая общепонятное, то, о чем нет нужды (или возможности) говорить более подробно и конкретно.

Белый экскурс по толковым словарям² русского языка демонстрирует многозначность слова *вещь* во всей его красе. Все словари начинают с определения *вещи* как неодушевленного предмета, доступного чувственному восприятию, и здесь явственно видна не столько логика русского языка, сколько рудименты картезианства. Принципиальным значением также оказывается *имущество; хозяйство; нечто, могущее быть чьей-либо собственностью*. Далее словари предоставляют читателю обширный и несколько размытый перечень метафорических значений, имеющих отношение, прежде всего, к разговорной речи. В итоге *вещью*, по словарному определению, может быть названо что угодно – от объекта какого-либо воздействия до условий этого воздействия, от предметов быта до произведений искусства.

Такое разнообразие словоупотреблений скорее заводит в тупик, чем проясняет что-либо. В большей степени пищу для размышлений дает этимология слова *вещь*³. Оно заимствовано из старославянского языка. *Вещь* восходит к праславянскому *vektb*, производного посредством суффикса *-ь* от той же основы, что и древнеиндийское *vakti* *говорить*; от той же основы происходит латинское *vox* – *слово*, *голос* и греческое *επος* (которое

² Опираясь на несколько словарей русского языка, можно дать следующее суммарное определение: 1) всякий отдельный предмет (преимущественно бытового обихода, трудовой деятельности); обычно во множественном числе – платье, одежда, мелочи личного обихода; обычно во множественном числе – мебель; только во множественном числе – пожитки, собранные и упакованные для перевозки; 2) произведение литературы, искусства, науки; 3) явление действительности, факт, проявление или результат какой-либо деятельности, дело; во множественном числе – обстоятельства, условия дела; 4) нечто, что-то; в просторечии – нечто значительное, ценное, важное; 5) обычно во множественном числе – предметы, явления объективного мира, существующие вне нашего сознания; 6) предмет физического мира, могущий быть чьей-нибудь собственностью в правовом смысле («Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля; «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова; «Словарь современного русского литературного языка»; «Словарь русского языка»).

³ В этимологическом словаре русского языка М. Фасмера: «Вещь, женского рода, заимствовано из церковнославянского языка, сравни старославянское *ВѢЩЬ*, болгарское *вещ*, чешское *ves*, словацкое *ves*, польское *wies*, верхнелужицкое *wjes*, нижнелужицкое *wjes*. Из праславянского *vektb* (или из *vektb*, сравни чешское). Исконно русским было бы *вечь*. Родственно готскому *waihts* женского рода, «вещь», древневерхненемецкому *vvihht*, средневерхненемецкому *wiht*, *wicht* «существо, вещь». В качестве дальнейших родственных форм латинское *vegeo* «бодрствую», *vigil* «бодрый, бдительный», древнеиндийское *vajas* «сила», древнеисландское *vakt*, древневерхненемецкое *wackrar* «живой».

В академическом издании этимологического словаря русского языка Института филологии им. Виноградова происхождение слова «вещь» объясняют так же, добавляя только ссылку на древнеиндийское *vaktih* «речь».

исходно писалось с согласной W) – слово, эпос. Таким образом, первоначальным значением русского *вещь*, вероятно, было *названное*, причем не только названное кем-то, но и назвавшее себя. Иными словами, *вещь* есть всякий результат процесса присвоения имен. Другой пласт значения корня слова *вещь* может быть получен из древнеиндийского слова *vajas* – *сила*, от которого происходит английское *will* – *воля*, собственно, и русское слово *воля* тоже. Сюда же может быть отнесено древневерхненемецкое *wackrar* – *живой* и средневерхненемецкое *wiht* – *существо*. Так что вещь – это, то, что существуя, обладает силой и самоизъявлением.

В античных языках вещь как *res*, *χρήματα* или *πράγματα* вела к сущему (*esse*), к окружающему миру как ближайшему, упорядоченному пространству (космосу в греческом смысле этого слова), хозяйству, где все на своих местах и все доступно учету. Отсюда идет привычная связка вещи как *res* с *реальностью*, а также тенденция метафизики, рассматривая сущее как таковое, по сути, обращаться к вещи. Исходная самодостаточность вещи, ее самозаконность и связь с упомянутой выше *фюсис* и порождают свойственную вещам силу, бескомпромиссную по своей природе: вещь занимает место, проминая (формуя) собой мир. Вещь как сущее всегда готова стать существительным *и*, более того, принять на себя имя собственное.

Специфика силы вещи связывается со спецификой процесса именования. Богатый русский язык здесь не так богат, как древнегреческий, поскольку в последнем медиальный залог точнее отражает суть процесса присвоения имен. Вещь в этом случае оказывается и не пассивной и не активной, занимая некую третью позицию: она одновременно именуется сама и нами, принуждает нас к именованию и ожидает его. Имя возникает на стыке сил вещи и именующего. В архаических мифах вещь нередко появляется тогда, когда наделяется именем, запечатлевая в самом его звучании сплав взгляда творения и творимого. Отголосок такого порядка мы видим в Книге Бытия, где говорится о том, что Адам нарекает имена животным, тем самым соучаствуя в божественном творении. Потому архаические имена тождественны самой сути вещи – Адам и означает человек. Причем, в архаическом сознании имена существительные образовывались от этих парадигмальных имен, а не наоборот: человеки потому человеки, что есть первочеловек – Адам. Учитывая такой статус имени, неудивительно, что для архаических практик знать имя означало иметь власть над носителем имени. В русском языке подобная властность видна в глаголе «звать»: звать вещь – это одновременно именовать и заставлять подчиняться. К слову сказать, древнее знание зачастую исчерпывалось знанием имен. Чем древнее поэтический или эпический опус, тем больше он напоминает телефонный справочник. Так Старшая Эдда по сути – способ связаться (позвонить) не только с богами, но и с вещами в мире людей. Это действительно важно – перечислить все имена того или иного бога или какой-либо вещи, сколько бы их ни было; а их может быть достаточно много, так как количество имен зависит от возможности проявлять себя каждый раз новым образом. В санскрите, например, имеется 35 названий огня, 34 – воды, 37 – солнца, 20 – луны и т. д. В арабском языке лев имеет 500 названий, верблюд – 5744. В любом случае, общее имя появля-

ется с возникновением плана абстракций. С отходом от архаики вещи утрачивают возможность обладания Именем собственным, обретая имя собственника – кружка Фидия, щит Ахилла. Интересно, что сегодня, в рамках прежде всего рекламного дискурса, наблюдается некий отголосок архаизации – тенденция персонализировать вещи, награждая их именами с претензией на уникальность. Рекламная конкуренция броских имен напоминает битву за место архаической парадигмы, цель которой состоит в завоевании синонимии бренда и товара в сознании потребителя. Имеет место некая квазисакрализация – эффект вещи мечты достигается за счет становления имени парадигмой. Только Nokia – это телефон!!! Есть даже уникальные случаи тотальной победы на этом поле боя – Ксерокс в нашем сознании звучит как наименование копировального аппарата. Такого словосочетания как *копировальная техника* долгое время никто и не знал и до сих пор им практически никто не пользуется, тем более что возникли необходимые для разговорного языка глагольные образования – *ксерить*, *снять ксерокопию*. Может быть отмечен еще один любопытный момент. Если сопоставить два высказывания типа «Это Модильяни!» и «Это Ламборджини!», то при абсолютном грамматическом сходстве можно наблюдать разное функционирование имени. В первом случае речь идет о принадлежности произведения автору: именуется не вещь (у картины может быть свое название), а авторский стиль. Во втором случае именуется предмет, который емко выражает стиль жизни, только косвенно указывая на прородителя автоконцерна. Любопытно было бы отследить нюансы функционирования имени в таких смысловых монастрах как рентген, оливье, мерседес, Ан, Ту, калашников, максим и т. д. Здесь имеет место не столько сакрализация имени, сколько тотальное его отчуждение. Простое имя простой вещи может скрывать за собой целую историю попеременных усложнений и упрощений в результате эксплуатации в культуре.

Как мы видим, вещь, обладающая Именем, – это нечто порой настолько самостоятельное, что способно вести себя уже как персонаж, например, меч Дюрандаль из песни о Роланде, к которому Роланд обращается перед смертью как к своей возлюбленной. Собственное, уникальное имя делает вещь неповторимой, превращая ее в *exemplar exemplaris*⁴ и выводя тем самым из поля теоретического зрения, поскольку по заветам Платона и Аристотеля мысль мыслит, прежде всего, общее⁵, в то время как единичное является для нее камнем преткновения. Иначе говоря, рука способна удержать меч Дюрандаль, а мысль – нет.

Поэтому философия, сталкиваясь с силой простых вещей, не со всякой из них может совладать. Следовательно, вычлняя различные смыслы, в которых говорят о простых вещах, резонно отыскать те, которыми философия может заниматься на законных основаниях.

⁴ *Exemplar exemplaris* (лат.) – образец образцов.

⁵ Платон использует слово *συνόψις* «синопсис» (общее обозрение или одновременное обозрение с разных сторон) для обозначения специфики теоретической мысли, направленной на созерцание идей. У Платона этот термин подразумевает, что философ, глядя на частное, способен видеть общее. Об этом пишет В. Йегер в своей работе «Пайдейя» (См.: Йегер, В. Пайдейя. М., 1997. С. 121).

Первое, что приходит в голову, когда речь заходит о простых вещах, — это вещи, называемые простыми в силу их происхождения, типа дождя, камня, древесного листа. Подобным вещам свойственно то, что называется *естеством*. Греки относили такие вещи к кругу *φυσείοντα* (природного сущего, сущего по природе) и противопоставляли сфере *τεχνη*. Можно сказать, что каждая из этих вещей парадигмальна, поскольку каждая из них являет всю мощь *фюсис*. Потому и Камень, и Дождь правомерно могут быть написаны с большой буквы. Эти вещи феноменально заметны, но незаметны для феноменологии, в том смысле, что их явленность — это чистое *φάνεσται* вне всякого *λογος*⁶. Конечно, некогда подобные вещи были в поле зрения *фюсиологии*, но все течет, все изменяется, и ныне логос уже не тот, что был когда-то у Гераклита. Феноменологический анализ при всей своей бережности к феноменам сам по себе гораздо ближе к логическим структурам, чем к силе логоса. Если даже понимать феноменологию в хайдеггеровском ключе как вслушивание в голос/логос бытия, то рано или поздно этот голос рискует превратиться в некое подобие ритуального песнопения, парализующего милую философскую привычку задавать вопросы. Да по большому счету уже гераклитовский логос созерцает не столько камни и деревья, сколько меру космического огня, явленную в них. Даже новорожденной философии кажется, что смотреть на камни — слишком просто и надо смотреть сквозь них, устремляясь мыслью в глубину, в тайны алетей.

Можно также говорить о простых рукотворных вещах. Они просты в силу нашей привычки воспринимать гармонично составленное сложное, то есть произведение, как простое. Что может быть проще колеса, перстня, меча или воспетой тем же Хайдеггером чаши? Однако за всеми этими вещами стоят не просто сложные навыки, но и невероятные сдвиги пластов культуры. Но это не мешает использовать кувшин с тысячелетним шлейфом традиции обжига глины в качестве простой обиходной домашней утвари. В случае с кувшинами и перстнями красота и простота вещи взаимобратимы: функциональность и сдержанность формы кувшина является его наиглавнейшим украшением; он упорядочен сам и упорядочивает, а значит и украшает, мир вокруг себя. С другой стороны, покрытый сложной искусной чеканкой кувшин воспринимается взглядом как нечто простое, просто красивое. Красота в данном случае — *κοσμημα*, украшение собственного жилого пространства, где последнее может быть понято предельно широко в диапазоне *οικος*⁶ — *κόσμος*. Эта *οικονομическая* доморощенность — мечта всякого хозяина, но не философа, который настроен по отношению к дому, как известно, ностальгически. Потому-то философ как профессионал склонен видеть кувшин прежде всего через призму ностальгии: как-тогда-уже-утраченный. А что касается целого кувшина, так философ — не джинн, ему в целом кувшине делать нечего. Можно, конечно, долго писать поэмы о том, что рай уже потерян, — это нескончаемая тема для философских элегий, но в этом случае все до боли понятно, кроме одного — о чем здесь может спрашивать философия. Если же говорить о каком-либо анализе, то

⁶ *Οικος* (греч.) — дом, жилище, домашнее хозяйство. От этого слова образованы *экономика*, *экология*.

тут, скорее, более уместным покажется дискурс археологии, культурологии, истории.

Отдельно стоит упомянуть о вещах, в которых символические функции превалируют над утилитарными и естественными. Речь идет о вещах священных или сакральных, которые также могут быть восприняты как простые, причем не важно, имеется ли в виду Омфал⁷ или Грааль. Вещам такого рода свойственна единственность, манифестируемая индивидуальным именем, за которым тянется история, рок, судьба. Сила этой вещи настолько велика, что, будучи даже разбитой на несколько частей, она может сохранить за каждой своей частью всю свою мощь, продолжая двигаться в русле собственного предназначения. Например, в средние века шла оживленная торговля щепками креста Господня или корабля святого Павла. Зубов святой Роланды в общей сложности в обиходе насчитывалось около двухсот штук (и прямо скажем, не все из них были человеческими), однако это вовсе не умаляло святости каждого отдельно взятого экземпляра. Смысловая интенсивность сакральной вещи осуществляется в границах религиозного или мифологического сознания. Поэтому данная сфера является вотчиной антропологов и культурологов. Философия же со своими вопросами ведет себя здесь, как слон в посудной лавке.

Есть еще одна категория вещей, которые также могут быть названы простыми в силу их максимальной включенности в ткань индивидуального существования субъекта. Более того, такого рода вещи создают и определяют субъектное поле опыта. Им свойственна необратимость существования. Некая вещь обретае единичное и символическое значение событийно и акцидентально. Вслед за Прустом и Гуссерлем такие вещи описывал Мамардашвили, называя их «упаковками опыта» и призывая расследовать их кентаврическую природу. Весь этот калейдоскоп пирожных мадлен, щек Альбертины, рекламы мыла, цветов, вкусов и запахов с легкостью идет в руки феноменологии, которая и была создана для эпического описания одиссеи субъекта, кружными путями возвращающегося к самому себе через пестроту жизненного мира.

И, наконец, можно говорить о вещах, простых в силу их привычности, включенности в ткань повседневного цивилизационного существования. Что мы извлекаем из шкафа, доставая *просто* деловой костюм? Для того, чтобы *просто* чиркнуть спичкой, нужны тысячелетия цивилизации. Простые вещи — верхушки айсбергов, плавающих в море культуры; под видимой простотой — могучие корни. Иными словами, быть *просто* в совре-

⁷ Омфал (др.-греч. *ὄμφαλος* — пуп) — древний культовый объект в Дельфах, считавшийся центром («пупом») Земли. Этот посвященный Аполлону камень хранился в его храме, имел вид монолитной глыбы и скорее всего был метеоритного происхождения. Согласно греческой мифологии, Зевс выпустил с западного и восточного предела мира двух орлов, а в точку их встречи метнул камень, символизирующий центр мироздания. Другой миф утверждает, что омфал был именно тем камнем, проглоченным Кроносом вместо Зевса. Варрон упоминает предание, что омфал был могилкой священного дельфийского Змея Пифона, то есть изначально представлял из себя надгробный камень и мог служить точкой соприкосновения между миром живых и мертвых, выступая истинным центром всего мироздания.

менной культуре очень сложно. Мы говорим «прост, как пять копеек», однако, если задуматься, то пятикопеечная монетка – сложнейшее явление. Зона привычки приобретает догматический характер – должно быть так и никак иначе – и сбой этой догмы сопровождается нашим праведным возмущением: как это, нет электричества!?, как это, нет зоны приема!?... Безобразия! Это мэр-начальник-жена-евреи-президент (нужное подчеркнуть) виноват в том, что мы лшились простой вещи. Хотя довольно странно винить кого-то в плохом функционировании того, что воспринимается в силу простоты и привычности как свое культурное тело – например, мой (в смысле удобный и привычный) пункт оплаты сотовой связи.

В сфере таких сложносоставных простых вещей философский дискурс вполне уместен. В отличие от культуролога, который будет просто собирать и суммировать историю того или иного объекта в его культурных взаимосвязях, философ может, по крайней мере, расследовать здесь следы рациональности, ее инверсии и метаморфозы; искать затаившиеся философские структуры. Мыслительной практике как процессу свойственна кристаллизация в культурных пластах, объективация в различных артефактах, что и обеспечивает внутреннее родство рациональности и привычки. Стремление субъекта комфортно расположиться в мире вещей и процессов создает проторенные тропинки из обкатанных вещичек. Мошь стремлений субъекта, как носителя мыслительной практики, медленно, но верно вытачивает, выглаживает, доводя до совершенства простоты, хаотические осколки дикой породы – свои собственные случайные субъективные произведения. Например, зеркало, которое, являясь исходно декоративной светоотражающей поверхностью, превратилось в инструмент рефлексии субъекта и его самоконтроля. Так морская волна, миллионы раз ударяясь о берег, создает простенькие круглые камушки. Так ветер или вода создают фигурки из скал. Процесс выветривания. Ветер субъективности и порождающий его атмосферный фронт теоретической мысли сформировали престранные объекты – линейку и телевизор, паспорт и сувенир, свастику и шопинг... Даже простой камень на веревке, раскачиваемый ветром субъективности, превращается в маятник Фуко. Вещи несут на себе отпечатки характера субъекта – по ним можно составить представление о субъективности и теоретическом, об их комфортном расположении в мире вещей. Такие вещи, словно стертые подлокотники кресла и книжка с замятыми уголками, несут в себе информацию о своем хозяине. Простые вещи как удобные для субъекта – это сфера возможного интереса философа, тут есть что разглядывать совиными очами философии. Подобно палеонтологу, способному читать по видоизменениям останков о жизненных коллизиях какого-нибудь звероящера, философ может высмотреть в простенькой вещице всю непростую судьбу теоретической мысли. Философ, работающий с простыми вещами – палео-онтолог, выглядывающий в былинках бывшее бытие. Археологи утверждают, что самая желанная и емкая находка в местах древних поселений – выгребная яма, поскольку в ней есть все. Философ точно так же способен рыться в мусоре культуры и доставать пласты того, что субъективность некогда носила и скинула с себя. Так уж устроена философия – ей, как Гекатонхейру, проще брать целые пласты, ворочать огромное даже

в малом, поднимать из темных вод и рассматривать сотней глаз весь айсберг разом. Но Гекатонхейры – персонажи придурковатые, поднимать айсберг из воды – это все-таки глупо, хоть и достойно восхищения. Впрочем, наш Гекатонхейр, будучи персонификацией философии, снабжен любопытством как движущей силой, и это многое объясняет. Обычный Гекатонхейр пройдет мимо, скажем, кирпича, а любопытный прозрит в кирпиче произведение римского радио, оптимизировавшего процесс строительства путем внедрения конвейерного принципа во имя потребности общества в быстром и веселом Колизее.

Итак, на что мы охотимся, что выискиваем в простых вещах, учитывая все их характерные особенности? Простая вещь лежит в основе цепи усложнений, тематических культурных нагромождений смыслов. В таком случае она являет собой некое начало, архе, и, стало быть, вполне можно сказать, что тот, кто занимается рулетками-таблетками по роду деятельности является архивариусом. Разглядывая и распутывая истории, запакованные в простых вещах, философ-архивариус невольно попадает в русло определенной специфики этого занятия, съезжая в глубокую колею, из которой не выберешься по первому желанию. Главная опасность на этом пути – утрата дистанции, риск зарыться в частности и потонуть в них, в бесконечных богатствах выгребных ям культуры.

Мы располагаем массой вещей, на которых, словно на воске, отпечатался тот, на которого эти вещи оказали воздействие. Что дальше? Вещислепки могут быть сложены вместе, как какая-нибудь головоломка, и форма пустот очертит нам некий объем. В качестве результата у нас будет образ, но живой человек-невидимка, оставивший эти отпечатки, в который раз ускользнул от нашего интереса. Так может быть, не там и не так ловим? Все это приводит нас к старой проблеме соотношения мысли и опыта. Философ своим сверхмедленным зрением разрушает вещь как обладающее лицом-речью существо с силой бытия. Пирокластический поток теоретической мысли испепеляет, испаряет вещь, сохраняя в подробностях ее внешние контуры, подобно тому, как помпейский вулканический пепел сохранил тела в качестве пустот. И тем увековечил.

Простая вещь под философским взглядом – это всегда нечто определенное, состоявшееся, иначе было бы невозможно сделать заключение о ее простоте. Становящееся, только еще возникающее, никак не может быть простым в силу своей неопределимости. Сила простых вещей презентирует нам ставшее, факт, син-оптическую ретро-спективу. Однако архивариус даже новейшей истории все равно всегда уже архивариус. В каком-то смысле он всегда опоздал – ему никогда не преодолеть рубеж сейчас. Философствование о простых вещах может превратиться в раздражающее, изнуряющее и даже бесплодное асимптотическое приближение к недоступной цели с полным рюкзаком тяжелых простых вещей. Обидная обманка заключается в том, что цель всегда рядом, но всегда не по пути следования. Однако, если посмотреть на этот поход со стороны кризиса современной культуры, он может быть организован и применен как трудотерапия, призванная залечить, заровнять травматический опыт ментальной гиподинамии, характерной для постиндустриального сообщества. Убаюкивающее, успока-

ивающее хождение по простым вещам может быть бесконечно долгим. Заниматься повседневностью, микронаррациями, сингулярностями – это не прихоть современности, это способ жить. Эдакий интеллектуальный дауншифтинг⁸.

Что касается простых по самой своей природе вещей, типа камня или заката, то тут философ чувствует себя не в своей тарелке. Застигнутый врасплох созерцанием камня, философ может в лучшем случае разразиться стихами или разродиться картиной. В зрелище заката или грозы нечего и незачем вскрывать и анализировать. Недаром чуткий Кант назвал свою работу, посвященную таким простым вещам как звездное небо и горы, «наблюдениями», подчеркивая роль философа именно как наблюдателя по отношению к подобному. Другое дело простые вещи, чей смысл неполон или скрыт, хотя бы частично. Такую морковку, крепко ухватив за видимую часть ботвы, и тянет из земли-матушки философ в надежде увидеть потаенный морковкин смысл. Вот на таких-то простых вещах философ дает себе волю профессионально разгуляться. А на камнях.. На камнях философ как следует может разве что загорать, лежа под простым солнцем, отгоняя простого комара простым словом.

⁸ Downshifting (англ.) – осознанное и намеренное движение вниз по карьерной лестнице. Дауншифтинг представляет собой широко распространенное течение, образ жизни, когда преуспевающий житель мегаполиса отказывается от карьеры в пользу, так сказать, спокойной жизни в домике у моря.